

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-10-14>

УДК 338.22

Attribution

cc by

**АНАЛИЗ БАРЬЕРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ЭФФЕКТИВНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОГРАММ
В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ГРАЖДАН (НА ПРИМЕРЕ КНР И РФ)**

Ли Хунган

Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация. Статья посвящена актуальной теме – проблемы реализации социальной политики в России и Китае. К ним относятся недостаток достоверных данных о нуждаемости населения, высокая бюрократизация процессов и различные демографические вызовы (например, ускоряющееся старение населения). Целью работы является анализ барьеров, снижающих эффективность государственных программ социальной поддержки в КНР и РФ. Методология включает в себя сравнительный анализ (в рамках сопоставления ключевых параметров социальной поддержки в РФ и КНР), контент-анализ документов (в процессе выявления барьеров, способствующих стагнации государственной политики обеих стран в области социальной защиты уязвимых слоев населения) и др. Результаты исследования свидетельствуют о необходимости радикальных реформ: создание адекватных критериев нуждаемости населения, упрощение административных процедур, а также усиление межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: социальная политика, социальная защита граждан, социальная поддержка населения, государственная программа, административные практики, межведомственная координация, региональная дифференциация, бедность, Китай, Россия.

Финансирование: инициативная работа.

Original article

**ANALYSIS OF BARRIERS AFFECTING THE EFFECTIVENESS
OF GOVERNMENT PROGRAMS IN THE FIELD OF SOCIAL SUPPORT FOR CITIZENS
(USING THE EXAMPLE OF CHINA AND THE RUSSIAN FEDERATION)**

Li Honggang

Saint Petersburg State University

Abstract. The article is devoted to an urgent topic – the problems of implementing social policy in Russia and China. These include a lack of reliable data on the needs of the population, high bureaucratization of processes, and various demographic challenges (for example, the accelerating aging of the population). The purpose of the work is to analyze the barriers that reduce the effectiveness of government social support programs in China and the Russian Federation. The methodology includes comparative analysis (as part of a comparison of key parameters of social support in the Russian Federation and China), content analysis of documents (in the process of identifying barriers contributing to the stagnation of government policy in both countries in the field of social protection of vulnerable segments of the population), etc. The results indicate the need for radical reforms: the creation of adequate criteria for the needs of the population, simplification of administrative procedures, as well as strengthening interdepartmental cooperation.

Keywords: social policy, social protection of citizens, social support for the population, state program, administrative practices, interdepartmental coordination, regional differentiation, poverty, China, Russia.

Funding: Independent work.

Введение.

Демографические вызовы, такие как уменьшение численности населения в отдалённых территориях или сокращение трудоспособных граждан, представляют собой одну из наиболее значимых проблем современности для многих стран мира, включая Российскую Федерацию и Китайскую Народную Республику. В них также существует серьезная проблема недостатка достоверных данных о реальном уровне нуждаемости населения, что связано с фрагментарностью механизмов сбора информации и отсутствием единой межведомственной информационной базы. Перед обеими странами стоит необходимость борьбы с бедностью, которая отражает структурные проблемы обеих эконо-

мик: региональное неравенство, инфляционное давление и недостаточная эффективность социальных программ.

Все вышесказанное обуславливает актуальность темы исследования.

Проблема исследования была затронута в научных трудах В.А. Ломаки, Д.О. Гладковой, Е.И. Ивановой, Е.Е. Кузнецовой и др. Отдельные аспекты функционирования уязвимых слоев населения интересовали П.В. Белопашенцеву, Е.Д. Слободенюк, С.В. Марееву, С.Г. Бычкову, В.Г. Виноградского, Е.С. Кубишиной и др. Использовались статьи и китайских авторов: Лю Чжэньи, У Цзежэнь и др.

Цель исследования звучит следующим образом: анализ барьеров, снижающих эффективность государственных программ социальной поддержки в КНР и РФ.

Поставленная цель обусловила *необходимость решения исследовательских задач*:

- выявить и систематизировать ключевые барьеры в реализации социальных программ в России и Китае, в частности, и проблемы межведомственного взаимодействия и бюрократизации процессов;
- исследовать региональные диспропорции в реализации социальных программ и оценить их влияние на доступность поддержки для различных категорий граждан;
- предложить модели преодоления выявленных барьеров для повышения эффективности социальных программ в обеих странах.

Материалы и методы.

В процессе написания статьи использовались различные методы, такие как сравнительный анализ (в рамках сопоставления ключевых параметров социальной поддержки в РФ и КНР), контент-анализ документов (в процессе выявления барьеров, способствующих стагнации государственной политики обеих стран в области социальной защиты уязвимых слоев населения) и др.

В качестве материалов исследования выступили данные национальной статистики РФ (Росстат) и КНР (Национальное бюро статистики), а также международных организаций (ООН, Всемирный банк). Также были изучены государственные программы, стратегии и нормативные акты в области социальной поддержки обеих стран.

Обсуждение.

По мнению В.А. Ломаки, российские власти сталкиваются с недостатком достоверных данных о реальном уровне нуждаемости населения [1, с. 50]. Существующие механизмы сбора информации зачастую фрагментарны, ибо опираются на устаревшие методы декларативного характера, когда гражданин самостоятельно должен заявить о своей нужде, предоставив множество справок из различных инстанций. Данные из разных ведомств, таких как Федеральная налоговая служба, Пенсионный фонд или органы социальной защиты населения субъектов РФ, крайне слабо взаимодействуют друг с другом. Отсутствие единой межведомственной информационной базы приводит к тому, что картина благосостояния отдельного человека оказывается неполной, искаженной; например, учреждения, ответственного за предоставление мер поддержки, может отсутствовать доступ к сведениям о имущественном положении получателя. Следствием этой разрозненности становится феномен «мнимой бедности», когда необходимую помощь получают лица, успешно манипулирующие существующими бюрократическими процедурами.

К тому же, ситуация усугубляется тем, что эффективность проводимых мероприятий оценивается постфактум, зачастую по формальным критериям,

например, по освоению выделенных средств или по количеству поданных заявлений, но не по реальному изменению уровня жизни целевых групп. Не существует надежного инструментария для оценки социального воздействия тех или иных мер: помогли ли они выйти из бедности, повысили ли качество жизни, решили ли возникшую трудность.

Рассматриваемая проблема носит системный характер, проявляясь на нескольких уровнях: дефицит финансирования цифровой трансформации социальной сферы на региональных и муниципальных объектах, что выражается в недостатке технической инфраструктуры; инерционная ведомственная культура, создающая сопротивление процессам повышения прозрачности и открытости данных; а также строгое законодательство о защите персональных данных, которое, несмотря на свою безусловную значимость, подчас становится формальным основанием для блокирования даже обезличенного межведомственного информационного обмена.

Как отмечают П.В. Белопащенко, Е.Д. Слободенюк и С.В. Мареева, в российских регионах наблюдается разрыв между объективной, измеряемой государственными статистическими органами, и субъективной, формируемой в общественном сознании, линиями бедности [2].

Официальная статистика оперирует строгим, хотя и во многом условным, критерием: величиной прожиточного минимума, который представляет собой стоимостную оценку потребительской корзины (минимального набора продуктов питания, необходимых для сохранения здоровья и обеспечения жизнедеятельности человека), а также обязательных налоговых платежей. Согласно данному подходу, к категории бедных относятся домохозяйства, чьи среднедушевые денежные доходы ниже установленного в регионе прожиточного минимума; именно эта методика дает ту самую цифру в несколько миллионов человек, которая регулярно озвучивается на официальном уровне и ложится в основу планирования бюджетных ассигнований на социальную поддержку. Однако реальная картина, фиксируемая комплексными социологическими исследованиями, показывает, что количество россиян, субъективно причисляющих себя к бедным и ощущающих свою повседневную жизнь как борьбу за выживание, устойчиво превышает официальные показатели в полтора-два раза.

С.Г. Бычкова отмечает, что подобная проблема возникает ввиду нескольких причин [3, с. 230]. Прежде всего, прожиточный минимум представляет собой показатель, который описывает порог физического выживания, нежели какой-либо удовлетворительный уровень жизни; он рассчитывается на основе потребительской корзины, состав которой давно критикуется экспертами как архаичный и не отвечающий современным реалиям. В ней доминируют продукты питания базовой категории, пока расходы на качественное здравоохранение, полноценный отдых и мобильность либо учтены символически, либо не учтены

вовсе. Следовательно, даже те семьи, чьи доходы формально превышают этот порог, на практике оказываются не в состоянии финансировать эти жизненно важные потребности, что и формирует у них устойчивое чувство бедности. Такого мнения придерживается Д.О. Гладкова [4].

Другим фактором является региональная дифференциация как в уровне доходов, так и в стоимости жизни, как отмечено в научных трудах Е.И. Ивановой [5, с. 20]. Это означает, что житель мегаполиса имеет доступ к совершенно иному уровню медицинских, транспортных и жилищных услуг, чем сельчанин. Появляется пласт «невидимых бедных», то есть работающих граждан, чья заработная плата не позволяет им вырваться из ощущения постоянной финансовой неустойчивости, как отмечает В.Г. Виноградский [6]. Кроме того, огромную роль играет необходимость сравнения и навязанных потребительских стандартов; в условиях общества потребления бедность воспринимается не как абсолютная нехватка средств на еду и одежду, а как относительная невозможность поддерживать образ жизни, считающийся нормальным в конкретной референтной группе. Доступ к интернету, возможность отдохнуть на курорте или купить ребенку гаджеты для учебы из статусных привилегий трансформировались в социальные нормы, и их отсутствие маркирует человека как бедного, даже если его доход формально выше прожиточного минимума.

По мнению Е.С. Кубишиной, сюда же относится широкая распространенность неформальных трудовых отношений, при которых доходы работников выплачиваются в виде «серых» зарплат «в конвертах», которые полностью или частично скрываются от налогообложения и, как следствие, не фиксируются в официальной статистике, что создает массив теневой экономики, масштабы которой оцениваются экспертами в миллионы рублей [7, с. 530]. Для самих работников, особенно из числа низкоквалифицированных кадров, мигрантов, лиц предпенсионного возраста, такой формат занятости предоставляет хоть какой-то источник средств к благоприятному существованию, но одновременно означает полное отсутствие социальных гарантий: никаких пенсионных отчислений, оплачиваемого больничного или отпуска.

В результате, российское государство, ориентируясь на узкие статистические критерии, выстраивает систему социальной поддержки, которая, по его мнению, должна охватывать все нуждающиеся категории населения. Однако на практике значительная часть населения, не попадающая под формальные критерии, но ощущающая себя бедной, оказывается исключенной из числа получателей помощи.

Еще одним фактором, способствующим стагнации социальной политики России, является высокий уровень бюрократизации процесса предоставления государственных услуг. Е.Е. Кузнецова приводит систему государственных закупок в качестве примера. По ее мнению, «оформление большого объема бумаг приводит к «раздуванию» бюрократического аппарата,

организации специальных разделов и подразделений, которые работают только с госзаказом, что увеличивает издержки в текущей деятельности, кроме того, отвлекаются денежные и кадровые ресурсы на оформительские и процедурные вопросы» [8, с. 180]. Аналогично и с простыми гражданами, которые сталкиваются с необходимостью сбора многочисленных справок, подтверждающих доходы, состав семьи, место жительства, права на льготу, при этом зачастую эти документы уже имеются в распоряжении различных государственных органов. Такая практика порождает замкнутый круг: для борьбы с потенциальными злоупотреблениями вводятся новые контрольно-учетные процедуры, каждая из которых требует своего пакета документов, что в геометрической прогрессии увеличивает общую бюрократическую нагрузку как на сотрудников соцзащиты, тонущих в бумагах и электронных отчетах, так и на граждан, вынужденных месяцами ходить по инстанциям, чтобы доказать свою нуждаемость в социальной защите. Особенно тяжело приходится уязвимым категориям населения – пожилым людям, инвалидам, многодетным семьям.

Цифровизация не всегда упрощает жизнь: появляются процедуры, когда подать заявление можно онлайн, но оригиналы документов все равно требуется предоставить лично, или, когда электронные системы разных ведомств не стыкуются друг с другом, выдавая технические ошибки и требуя повторной подачи тех же данных. Кроме того, архитектура подобных платформ изначально проектируется исходя из задач ведомственной отчетности, а не из принципов пользовательского опыта, что на практике проявляется в наличии запутанных и неэргономичных интерфейсов, необходимости многократного дублирования одних и тех же данных в различных полях, а также в применении излишне жестких вычислительных алгоритмов, не адаптирующихся к нестандартным обстоятельствам граждан. В результате сотрудники социальных служб оказываются заложниками разработанных регламентов, оказываясь вынужденными расходовать большую часть рабочего времени на формальное соблюдение процедурных норм, заполнение многочисленных журналов, баз данных и форм статистической отчетности, в ущерб непосредственной работе с людьми.

Что касается Китая, то, как отмечает Лю Чжэньюй, пенсионная система данного государства охватывает ограниченные категории населения, в частности, работников государственных предприятий [9]. Однако большая часть сотрудников неформального сектора остается вне рамок полноценного пенсионного обеспечения, которые могут рассчитывать лишь на минимальные выплаты. Временные рабочие, которые часто перемещаются между регионами в поисках работы, также сталкиваются с проблемами: их работодатели могут не делать взносы в пенсионную систему, либо эти взносы оказываются недостаточными из-за нерегулярности занятости. Женщины-домохозяйки, которые не работали официально, оказываются в особенно уязвимом положении, поскольку их труд не оплачивается

и не учитывается в системе социального страхования, что лишает их каких-либо пенсионных прав.

Наблюдается существенная региональная дифференциация в уровне пенсионного обеспечения, что приводит к значительному разбросу в размерах назначаемых выплат. К примеру, в Тибете пенсия может достигать 4100 юаней, в то время как в Чунцине она составляет лишь 1820 юаней, что отражает разницу в экономическом развитии и уровне дотаций из центрального бюджета. Ситуацию усугубляет децентрализованный характер административного управления, при котором полномочия по управлению пенсионными фондами распределены между региональными и местными органами власти, что затрудняет выработку единых стандартов. Местные органы власти часто сталкиваются с дефицитом средств и вынуждены использовать пенсионные накопления для покрытия других расходов, что приводит к пустым пенсионным счетам. Кроме того, демографические вызовы, такие как старение населения и снижение рождаемости, усугубляют проблему нехватки работников, которые должны оплачивать пенсионные взносы для будущих поколений. Если в 2002 году на 10 трудоспособных китайцев приходился один пенсионер, то к 2021 году этот показатель снизился до пяти, а к 2030 году ожидается, что на одного пенсионера будет приходиться всего четыре работающих.

Как отмечает У Цзежэнь, в ответ на такие вызовы китайские власти предпринимают шаги для развития добровольных пенсионных накоплений, позволяющих самостоятельно откладывать средства на старость с налоговыми льготами [10].

Параллельно, хотя Китай добился прогресса в цифровизации государственных услуг, административные барьеры остаются серьезным препятствием для эффективности социальных программ. Это наиболее ярко проявляется при реализации амбициозных проектов, таких как система социального кредита, которая предполагает сбор и анализ данных из 142 учреждений по 160 тысячам параметров. Это приводит к тому, что даже при наличии большого объема информации ее качество и пригодность для принятия управленческих решений остаются низкими. Кроме того, существует серьезная проблема неравенства в доступе к цифровым технологиям между сельскими и городскими территориями, как отмечают М.К. Измайлова [11, с. 122].

Как отмечают О.В. Сивинцева, С.Р. Титова и Е.А. Троицкая, существует и другая серьезная проблема, которая подразумевает под собой сопротивление внутри самого бюрократического аппарата, где чиновникам часто не хватает цифровой грамотности, и они неохотно внедряют новые технологии из-за страха перед переменами или недостаточной подготовки [12, с. 130]. Ситуацию усугубляет тот факт, что многие сотрудники правительственных ведомств не обладают систематическими знаниями в области сетевой информационной безопасности, что делает их уязвимыми к кибератакам и снижает общую эффективность цифровых систем.

Кибербезопасность становится все более актуальной проблемой, особенно на фоне участвовавших атак на правительственные учреждения и критическую информационную инфраструктуру, как отмечено в статье Е.А. Разумова [13]. Например, в 2024 году правительственные учреждения Китая подвергались атакам с использованием фишинговых писем от АРТ-организаций более 1300 раз [14]. Подобные инциденты подчеркивают необходимость усиления мер безопасности, но также выявляют недостатки в существующих системах защиты, которые часто не успевают за быстро развивающимися угрозами. Кроме того, существует проблема изолированности продуктов безопасности, которые развертываются методом «исправлений», что приводит к их низкой эффективности и невозможности создать комплексную систему защиты. Это особенно критично в контексте цифровизации государственных услуг, где утечки данных могут иметь серьезные последствия для национальной безопасности и прав граждан.

К тому же, Китай сталкивается со стремительным старением населения. Это явление угрожает устойчивости системы социального обеспечения, требуя радикальных реформ для предотвращения истощения ресурсов. По прогнозируемым данным, к 2050 году доля населения старше 65 лет в Китае достигнет 26%, а число пожилых людей увеличится с 172 миллионов до 366 миллионов. Основными факторами, способствующими старению населения, являются резкое снижение рождаемости, вызванное политикой одного ребенка, и увеличение продолжительности жизни благодаря улучшению медицинского обслуживания, как отмечает Н.К. Семенова [15]. Последствия старения населения глубоки; например, сокращение рабочей силы может замедлить рост экономики, поскольку меньше работников поддерживают растущее число пенсионеров.

Результаты.

1. Ключевой проблемой социальной политики в России является недостаток достоверных данных о реальном уровне нуждаемости населения, вызванный фрагментарностью механизмов сбора информации и отсутствием единой межведомственной базы данных, что приводит к феномену «мнимой бедности». При этом официальные критерии оценки нуждаемости через прожиточный минимум не отражают реальные потребности граждан.

2. Демографические вызовы, в частности стремительное старение населения в Китае и сокращение трудоспособного населения, создают дополнительную нагрузку на пенсионные системы и требуют радикальных реформ. Параллельно, в Китае наблюдается существенная региональная дифференциация в уровне пенсионного обеспечения, усугубляемая децентрализованным характером управления пенсионными фондами.

3. Высокий уровень бюрократизации процессов предоставления социальной помощи в обеих стра-

нах создает существенные барьеры для получения социальной поддержки, особенно для уязвимых категорий населения, где необходимость сбора многочисленных справок и нестыковки электронных систем разных ведомств усложняют доступ к услугам.

Заключение.

Подводя итоги, как в Российской Федерации, так и в Китайской Народной Республике наблюдаются схожие проблемы в реализации социальной политики, куда относятся недостаточная эффективность администрирования, ограниченность охвата социальных программ и значительные региональные диспропорции. К тому же, высокий уровень бюрократизации процессов предоставления социальной помощи создает существенные препятствия для получения поддержки наиболее уязвимыми категориями граждан. Старение населения и сокращение численности трудоспособного граждан создают дополнительную нагрузку на пенсионные системы и требуют пересмотра подходов к социальному обеспечению.

Для повышения эффективности социальной поддержки необходимы комплексные реформы, включающие разработку более адекватных критериев

оценки нуждаемости, которые бы учитывали не только формальные денежные доходы, но и реальные лишения граждан. Критически важно реализовать упрощение административных процедур, что снизит бюрократическую нагрузку как на граждан, так и на сотрудников социальных служб, позволив последним сосредоточиться на содержательной работе с людьми, а не на формальном соблюдении регламентов. Не менее значимым является усиление межведомственного взаимодействия через создание единой защищенной информационной платформы, обеспечивающей безопасный обмен данными между органами социальной защиты, Пенсионным фондом, Федеральной налоговой службой и другими ведомствами, что позволит автоматически выявлять тех, кто действительно нуждается в помощи, минимизируя риски как необоснованного отказа в поддержке, так и нецелевого назначения пособий. Параллельно должно развиваться инфраструктура цифровизации, подразумевающая создание удобных, интуитивно понятных цифровых сервисов, ориентированных на пользовательский опыт.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Ломака В.А. Актуальные проблемы финансовой модели социальной поддержки населения России и перспективы ее совершенствования // Научные записки молодых исследователей. - 2024. - №4. - С. 48-55. EDN: JJKMOB
2. Белопашенцева П.В., Слободенюк Е.Д., Мареева С.В. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет // Вестник Института социологии. - 2024. - №4. - С. 34-59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3 EDN: XQRQOZ
3. Бычкова С.Г. Проблемы и возможности статистической оценки неравенства и бедности в Российской Федерации и ее регионах // Вестник университета. - 2016. - №1. - С. 226-232. EDN: WBLWSF
4. Гладкова Д.О. Прожиточный минимум как показатель уровня жизни населения: проблемы и решения // Контентус. - 2022. - №8. - С. 39-47. DOI: 10.24411/2658-6932-2022-8-39-47 EDN: PJCVTM
5. Иванова Е.И. Региональная дифференциация доходов населения в России: новые тенденции и факторы // Среднерусский вестник общественных наук. - 2024. - №3. - С. 14-39. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-14-39 EDN: FFZDMM
6. Виноградский В.Г. Формы неформальности: невидимая экономика крестьянского двора // Крестьяноведение. - 2017. - №2. - С. 101-120. EDN: ZCINGF
7. Кубишина Е.С. Неформальная занятость в современной России: прежние проблемы и новые реалии // Уровень жизни населения регионов России. - 2022. - №18. - С. 521-534. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.8 EDN: HPCFYD
8. Кузнецова Е.Е. Проблема борьбы с бюрократизмом в системе государственного управления // Историческая и социально-образовательная мысль. - 2017. - №9. - С. 179-182. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6-2-179-182 EDN: YMQBCK
9. Лю Чжэнь. Развитие пенсионной системы как основной ключ к решению глобальной социальной проблемы Китая // Инновации и инвестиции. - 2021. - №8. - С. 31-34. EDN: SYLLSE
10. У Цзежэнь. Социальное обеспечение пенсионеров в Китае: современность и перспектива // Теория и практика общественного развития. - 2024. - №6. - С. 76-79. DOI: 10.24158/tipor.2024.6.9 EDN: NYXOIH
11. Измайлов М.К. Цифровые неравенства: проблемы доступа и включения в цифровую экономику // Вестник Института экономических исследований. - 2023. - №3. - С. 120-132. EDN: NPZLVV
12. Сивинцева О.В., Титова С.Р., Троицкая Е.А. Институциональные условия современных административных реформ в Китае и России: политико-управленческие аспекты // Ars Administrandi. - 2016. - №2. - С. 128-150. DOI: 10.17072/2218-9173-2016-2-128-150 EDN: XASUSP
13. Разумов Е.А. Политика КНР по обеспечению кибербезопасности // Россия и АТР. - 2017. - №4. - С. 156-170. EDN: YMTCGH
14. Хакеры против Китая: 1 300 атак, новые группы и скрытые цели. - URL: <https://www.securitylab.ru/news/556441.php?ysclid=mftjd2udo630727595> (Дата обращения: 20.09.2025).
15. Семенова Н.К. Демографическая политика КНР и проблема старения населения // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. - 2022. - №5. - С. 1117-1122.

References:

1. Lomaka V.A. Actual problems of the financial model of social support for the Russian population and prospects for its improvement // *Scientific notes of young researchers*. - 2024. - No. 4. - pp. 48-55. EDN: JJKMOB
2. Belopashentseva P.V., Slobodenyuk E.D., Mareeva S.V. Objective and subjective poverty in Russia: What have the last 20 years brought? // *Bulletin of the Institute of Sociology*. - 2024. - No.4. - pp. 34-59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3 EDN: XQRQOZ
3. Bychkova S.G. Problems and possibilities of statistical assessment of inequality and poverty in the Russian Federation and its regions // *Bulletin of the University*. - 2016. - No. 1. - pp. 226-232. EDN: WBLWSF
4. Gladkova D.O. The cost of living as an indicator of the standard of living of the population: problems and solutions // *Contentus*. - 2022. - No. 8. - pp. 39-47. DOI: 10.24411/2658-6932-2022-8-39-47 EDN: PJCVTM
5. Ivanova E.I. Regional income differentiation in Russia: new trends and factors // *Central Russian Bulletin of Social Sciences*. - 2024. - No. 3. - pp. 14-39. DOI: 10.22394/2071-2367-2024-19-3-14-39 EDN: FFZDMM
6. Vinogradsky V.G. Forms of informality: the invisible economy of the peasant household // *Peasant studies*. - 2017. - No. 2. - pp. 101-120. EDN: ZCINGF
7. Kubishina E.S. Informal employment in modern Russia: former problems and new realities // *Standard of living of the population of the regions of Russia*. - 2022. - No.18. - pp. 521-534. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.4.8 EDN: HPCFYD
8. Kuznetsova E.E. The problem of combating bureaucracy in the public administration system // *Historical and socio-educational thought*. - 2017. - No. 9. - pp. 179-182. DOI: 10.17748/2075-9908-2017-9-6/2-179-182 EDN: YMQBCK
9. Liu Zhengyu. The development of the pension system as the main key to solving China's global social problem // *Innovation and investment*. - 2021. - No. 8. - PP. 31-34. EDN: SYLLSE
10. Wu Jiezheng. Social security for pensioners in China: modernity and perspective // *Theory and practice of social development*. - 2024. - No. 6. - pp. 76-79. DOI: 10.24158/tipor.2024.6.9 EDN: HYOIHI
11. Izmailov M.K. Digital inequalities: problems of access and inclusion in the digital economy // *Bulletin of the Institute of Economic Research*. - 2023. - No. 3. - pp. 120-132. EDN: NPZLVV
12. Sivintseva O.V., Titova S.R., Troitskaya E.A. Institutional conditions of modern administrative reforms in China and Russia: political and managerial aspects // *Ars Administrandi*. - 2016. - No. 2. - pp. 128-150. DOI: 10.17072/2218-9173-2016-2-128-150 EDN: XASUSP
13. Razumov E.A. China's cybersecurity policy // *Russia and the Asia-Pacific Region*, 2017, No. 4, pp. 156-170. EDN: YMTCGH
14. Hackers against China: 1,300 attacks, new groups and hidden targets. - URL: <https://www.securitylab.ru/news/556441.php?ysclid=mftjd2udo630727595> (Date of request: 09/20/2025).
15. Semenova N.K. Demographic policy of the PRC and the problem of population aging // *Greater Eurasia: development, security, cooperation*. - 2022. - No. 5. - pp. 1117-1122.

Информация об авторе:

Ли Хунган, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, <https://orcid.org/0009-0003-4253-1811>, 1223507137@qq.com.

Li Honggang, graduate student, Saint Petersburg State University.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 23.09.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.10.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.10.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.